
О П Ы Т Ы

Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

ЖУРНАЛ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Ю. П. ИВАСКА

ИЗДАТЕЛЬ М.-Э. ЦЕТЛИНА

К Н И Г А Ш Е С Т А Я

Н Ь Ю - Й О Р К — 1956 Г О Д

И. А. БУНИН

О ЧЕХОВЕ

(Из писем Г. В. Адамовичу)*

...о брехне Горького на Толстого, будто Толстой сказал про Чехова, что он, Чехов, «скромный, тихий, точно барышня, и ходит, как барышня» я уже писал Вам. Почему это брехня? Потому, что во-первых, Горький всегда вкладывал в уста Толстого совершенно не свойственный Толстому язык, вложил и тут, а во-вторых потому, что такой «проницательный» человек, как Толстой, не мог не видеть, что Чехов, ходивший именно как сын своего сурового отца-лавочника, высокий, широкоплечий, и на людях всегда бывший несколько суровым, сугубо-сдержанным, ничуть не был похож на барышню. Это я Вам писал. Теперь прибавляю, почему именно нужна была Горькому эта брехня, как и многие, многие другие брехни его: потому, что он всегда действовал в этих случаях очень расчетливо, — много раз противопоставлял свою силу, свой нахрап, свой «челкашизм» выдуманым им у Чехова «тихости», бессильной «грусти», раз даже сказал про него приблизительно так (пустив на свои глаза актерскую слезу, на которую он был такой мастер): «Глянешь иногда на Чехова — и подумаешь: взять бы тебя несчастного, на руки и унести куда-нибудь подальше от всей пошлости, окружающей тебя». Видите — каков Чехов — и каков я, могущий взять его на руки! Вовсе недаром писал Горький, например в 1913 году кому-то: «Очень рекомендую Вашему вниманию Чехова и Бунина. Оба с изумительной силой чувствуют значение обыденного и прекрасно изображают его». Видите, как опять ловко: так хвалит нас, что кому же придет в голову, что он роет нам с Чеховым некоторую яму: Чехов и Бунин годны только на «чувствование обыденного», в то время, как он «сокол», «буревестник» и т. д. (Ловкость вроде той, которой так часто пользуется в своих похвалах Гиппиус: например, в таком роде: «Бунин

* Письма И. А. Бунина печатаем с любезного разрешения Г. В. Адамовича. Они дополняют посмертную книгу Бунина *О Чехове* (издательство имени Чехова, Нью Йорк, 1955 г., стр. 412).

прекрасное неподвижное озеро»). Ради прославления своего челкашеского романтизма Горький соврал, будто Толстой раз сказал ему нечто в таком роде: «Вы, конечно, не можете мне нравиться, потому, что вы — романтик». Опять ловкость, которую не поймут бесчисленные дураки, да и как же понять, как не поверить Горькому? Ведь как смело человек говорит: «Я Толстому не нравился». А почему? — «Я — романтик».

...Вы пишете: Чехов и Горький остались «парой», как Корнель и Расин, Шиллер и Гёте, Пушкин и Лермонтов... Будь я Сагайдачный, а вы — мой пленный татарин, я бы Вас посадил за это на-кол!

Вы *спокойно* выписывали первое письмо Горького к Чехову:

«Хочу что-то написать Вам, А. П. Я беззаветно, искреннейше люблю Вас с младых моих ногтей... Эх, чорт возьми, жму Вашу руку, художника и сердечного, грустного человека, должно быть, — да? Ваш талант — дух чистый и ясный, но опутанный узами земли, подлыми узами будничной жизни. Пусть он рыдает, зов к небу и в рыданиях ясно слышен... Не обижайтесь на меня. Я — человек очень нелепый и грубый, а душа у меня неизлечимо больна, как впрочем и следует быть душе человека думающего...».

Ну, чем не Шиллер? И хорошего же Вы мнения о Чехове, раз Вы вопросительно-неуверенно спрашиваете: «Не покорило ли Чехова это письмо?». — Хотя от такого письма даже не Чехова, а свинью стошнило бы! Вы скажете: но ведь Чехов столько раз перевозносил Горького и в письмах к нему самому, и к жене, и мало ли еще к кому, да и Толстой его хвалил... Я не ожидал, что Вы столь доверчивы! Чехов, однажды прочитав известие о смерти Соловцова, написал при мне телеграмму соловцовской трупке в Киев вроде того, что это великая потеря для русского театра, смерть такого великого человека, как Соловцов, а я, как дурак, воскликнул: — Антон Павлович, вы говорили как раз про Соловцова... — и он меня перебил: «Мало ли что пишется в письмах и телеграммах. Соловцов был очень пошлый актер, да ведь не могу же я это телеграфировать его театру!». И о Горьком я много, много раз слышал от Чехова, с глазу на глаз с ним, такой хохот, такие суждения, что до сих пор дивлюсь его хвалебным письмам Горькому. А что писал Толстой в своих дневниках о Горьком!

Чехов однажды, даря мне одну из своих книжек, надписал на ней: «Милый Иван Алексеевич, я тоже когда-то писал стихи», и написал два стихотворения, вот они:

1

Акулина Пантелевна
Когда взята была Плевна,
Так солдаты отличались —
Даже турки удивлялись.

2

Шли однажды через мостик
Мирные китайцы,
Впереди, задравши хвостик,
Поспешали зайцы.
Вдруг китайцы закричали:
«Стой! Лови! Ах, ах!»
Зайцы выше хвост задрали
И попрятались в кустах.

А. Чехов

Я люблю посылать Вам неожиданные письма, чтобы Вы думали: — а он кажется глуповат, этот старый Бунин! Теперь Вы верно подумаете: что же тут смешного в этой плохой шутке Чехова? Совершенно правильно, ровно ничего смешного. Но всё-таки Чехов! И он сказал мне, даря эту книгу и смеясь: «Честное слово, это мои стихи, написанные в Таганроге, когда мне было восемь лет».

Книжка эта, вместе со множеством других книг, среди которых было немало просто драгоценных, погибла после нашего бегства из с. Васильевского, в конце октября 1917 года.